

и сухопутных коммуникациях, о продолжительности путешествий с торговыми целями, о сезонности их, о структуре и характере специальных торговых компаний, о монете, циркулировавшей в Дубровнике. Специальный раздел посвящен торговым связям с Сирией и Египтом. Значительное внимание уделено вопросу о пребываниях, временных и постоянных, левантийцев — купцов, дипломатов и лиц иных профессий — в Дубровнике и дубровчан на Леванте.

Для византиниста значительный интерес представляют выводы Б. Крекича о взаимоотношениях Дубровника с Византией. Торговые и политические связи Дубровника с Левантом, в том числе и с Византией, особенно оживляются с 1390 г. В XV в. Арта и район Коринфского залива занимают первое место среди областей Леванта в импорте зерна в Дубровник.

Если при рассмотрении экономических отношений Дубровника и Леванта Б. Крекич строит свои выводы в основном на материалах Дубровницкого архива, то в очерке, посвященном политическим взаимоотношениям Дубровника с Левантом начиная с VII в., автор широко использует также византийские источники и дубровнические хроники. Подчинение Дубровника Византии Б. Крекич рассматривает как полностью соответствовавшее интересам города (стр. 19). Однако этот вывод, высказанный в столь категорической форме и не подкрепленный достаточными доказательствами, не очень убеждает. Падение Византии под ударами крестоносцев лишило Дубровник ее защиты и поставило перед необходимостью принять супрематию Венеции, что и произошло в 1205 г. По мнению Б. Крекича, жители Дубровника, избрали «единственно в данной ситуации возможное решение» (стр. 24).

Последнее утверждение представляется спорным. Неясно, в какой мере это решение устраивало различные социальные круги населения Дубровника. Н. П. Соколов, например, склонен считать, что установление венецианской супрематии отвечало интересам лишь определенной провенециански настроенной группировки городского патрициата².

В разделе, посвященном политическим взаимоотношениям Дубровника с Левантом, встречаются немногочисленные и краткие замечания, касающиеся социально-экономических отношений в Дубровнике (например, на стр. 22—23 говорится об экономическом и социальном прогрессе города в XII—XIII вв.; на стр. 39 — о появлении в XIV в. городской буржуазии). Думается, однако, что работа значительно бы выиграла, если бы характеристика социально-экономических отношений в Дубровнике была более подробной и содержалась в разделе об экономических взаимоотношениях Дубровника с Левантом. Это дало бы возможность представить историю экономических взаимоотношений Дубровника и Леванта в тесной связи с экономическим и социальным развитием города, и, следовательно, конкретная историческая действительность получила бы более точное отображение. Многочисленный и богатый сведениями материал источников, которым располагал Б. Крекич, позволяет также глубже осветить некоторые экономические проблемы, чем это сделано автором. Например, поставленный им вопрос о продолжительности путешествий с торговыми целями может приблизить к пониманию чрезвычайно существенного для характеристики торговли вопроса об обороте торгового капитала. А этот вопрос в свою очередь следовало бы связать с проблемой торговых цен, которая трактуется автором совершенно обособленно.

В приложении содержится краткая характеристика состояния фондов Дубровницкого архива и реестры документов, касающихся взаимоотношений с Левантом. Всего упомянут 1431 документ за 1199—1460 гг. В конце помещен общий указатель.

Хотя некоторые проблемы и не нашли своего отражения в рецензируемой работе, а проблема экономических взаимоотношений Дубровника с Левантом трактуется в отрыве от социально-экономических сдвигов в городе, книга Б. Крекича в своем новом, расширенном и улучшенном издании, безусловно, представляет большой интерес для специалистов как по истории Дубровника, так и по истории Византии, а также для исследователей истории других районов Леванта.

К. Х.

И. МАНКЕН. ДУБРОВАЧКИ ПАТРИЦИЈАТ У ХІV ВЕКУ.

Београд, 1960 (Српска Академија наука и уметности.

Посеба издава, књ. СССХL, Одељење друштвених наука, књ. 36)

Литература, посвященная Дубровнику, продолжает расти, внимание историков по-прежнему привлекает характеристика дубровницкой торговли, однако наметился интерес к проблемам городского ремесла¹ и социальных отношений². Среди

² Н. П. Соколов. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником. «УЗ Горьковского пед. ин-та», 1950.

¹ D. Roller. Dubrovački zanati u XV i XVI stoljeću. Zagreb, 1951.

² В. Винавер. Ропство у старом Дубровнику (1250—1650). ИП, I, 1954; его же. Црно робље у старом Дубровнику (1400—1600). «Историски часопис» год. V, 1955.

вопросов социального развития Дубровника особое место занимает история городского патрициата, ибо *nobiles* в течение столетий занимали господствующее положение в управлении, экономике и социальных отношениях этой аристократической республики. Работа немецкой исследовательницы И. Манкен о дубровницком патрициате написана на основе изучения обширного круга как опубликованных, так и неопубликованных источников, обследованных автором в городском архиве Дубровника. Рассмотренный материал охватывает период от середины XIII в. до первой половины XV в. Автор прослеживает судьбы дубровницкого патрициата на протяжении одного столетия в тесной связи с историей дубровницкой экономики. В специальной главе «Патрициат и хозяйство» (стр. 23—32) Манкен показывает, что значительные круги нобилитета (преимущественно его средние и низшие слои) были заняты в торговле хлебом и солью на Адриатическом море. В то же время верхушка городской знати захватила в свои руки вывоз из Сербии и Боснии руд, кож и воска, разрабатывала сербские рудники и принимала участие в откупах, а также в вывозе итальянских товаров в страны Ближнего Востока (стр. 30).

Между нобилитетом и верхушкой рядовых граждан («пучанством», *de populo*) отсутствовала четкая имущественная грань. Так, когда республика в 1302 г. готовила подарки сербскому королю Урошу, она приобрела у двух знатных семей, Менчетичей и Журговичей, сукно на сумму 251 перпер, в то время как у пучанина Леонардо *de Benvignuta* было куплено тканей на 280 перперов (стр. 28). Тем более заметная грань пролегает между патрициатом и рядовыми гражданами в общественной жизни и управлении городом. Впрочем, автор отказывается нарисовать картину участия нобилей в администрации республики, а ограничивается лишь коротким описанием той роли, которую играли дубровницкие «властели» в военной службе города (стр. 48—51) и сухим сообщением о переменах в составе стоящих у власти патрицианских семей на протяжении нескольких десятилетий XIV в. (стр. 52). Зато Манкен детальнейшим образом рассматривает участие каждого патрицианского семейства не только в управлении, но и во внешних сношениях республики, в ее торговле, денежных операциях и суде. Более того, автор изучает брачные связи каждой аристократической семьи и вычерчивает несколько десятков генеалогических таблиц, которые составляют отдельный том ее исследования. Она прослеживает судьбу каждого нобилей года за годом, и история некоторых выдающихся родов занимает по несколько десятков страниц (см. Гундуличи — стр. 258—277; Гучетичи — стр. 233—256; Журговичи — стр. 201—227; Менчетичи — стр. 314—347). Таким образом, в центре внимания исследовательницы оказывается не место патрициата в структуре дубровницкого общества, не формы эксплуатации, которую осуществляет этот патрициат, и даже не его имущественное положение, а семейная хроника 78 аристократических семей республики.

Исследования подобного рода ни разу не предпринимались на далматинском материале, и работа Манкен вводит в оборот массу протрицианских данных. Отныне всякий исследователь истории Дубровника и соседних славянских стран сможет использовать ее книгу в качестве очень точного и обстоятельного справочника.

Вместе с тем в первой части работы «Дубровник и его патрициат в XIV веке» Манкен приходит к ряду важных выводов; в частности, она предложила новое решение проблемы этнического состава Дубровника. Уже в предисловии Манкен указывает на возникшее в начале XX в. убеждение в том, что население Дубровника было романским по своему происхождению, что его вплоть до конца XIV в. составляли потомки римского населения древнего Эпидавра³ и будто бы только со второй половины XIV в. в результате браков с окрестным славянским населением и после запустения, постигшего город в 1348 и 1363 гг., в годы «черной смерти», в Дубровнике начинает расти славянское население. Факт наличия многочисленного славянского населения в Дубровнике XV—XVI вв. неоспорим — бурный расцвет гуманистической литературы на сербо-хорватском языке является самым убедительным его доказательством. Но можно ли считать, что это население растет в Дубровнике лишь с конца XIV в.? Для решения этого вопроса Манкен и избирает материал по истории дубровницкого патрициата.

Исследователя этой проблемы ожидает ряд трудностей, ибо личные имена, с помощью которых он только и может определить этнический характер населения, зачастую весьма неопределенны, а семейные имена, даже славянского происхождения, часто стилизуются в латинских грамотах на романский лад. Личные имена славянского происхождения преобладают у женщин — здесь их больше половины (стр. 66). На этом основании историки приходили к выводу о том, что славянский элемент рос в Дубровнике за счет браков с женщинами из окрестного населения.

³ C. Jireček. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. «Denkschriften d. Akademie d. Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.», Bd. 48—49. Wien, 1901—1904.

Манкен справедливо отвергает возможность того, что больше половины дубровницкого патрициата, известного своей сословной замкнутостью, брало себе жен за пределами города. Отправляясь от этого наблюдения, автор приходит к выводу, что «ослабление» Дубровника началось не в XIV в., а значительно раньше, по меньшей мере в XII или даже в XI в. (стр. 67). Этот вывод — один из ведущих в работе И. Манкен — разрушает бытовавшие в течение нескольких десятилетий в литературе мнения о романском характере дубровницкого населения до конца XIV в.

В Приложениях Манкен приводит список людей, которые на протяжении столетия (1301—1399) получали, судя по Libri Reformationum, права гражданства в Дубровнике, список *habitatores*, т. е. жителей, не пользовавшихся правами гражданства, и специалистов на жалованье республики — врачей, учителей, нотариусов. В последнем разделе особенно любопытно наблюдение за ростом заработной платы этих служащих (*salariati*) на протяжении XIV в. (стр. 101). Одновременно можно заметить, что на протяжении того же столетия существенно поднялись цены на хлеб, оливковое масло и соль (107—109).

Однако основной материал по истории патрицианских семейств лишен каких-либо выводов и обобщений, и в этом смысле работа И. Манкен оставляет впечатление незавершенности. Возможно, это объясняется характером книги, основанной на первичной обработке множества неопубликованных актов⁴. Но это объясняется и определенной авторской позицией: Манкен особо предупреждает, что предоставляет читателю самому сделать выводы из собранного ею материала (стр. X). И эта позиция «невмешательства» в материал составляет, на наш взгляд, слабую сторону книги Манкен. Исследовательница слишком уж сужает круг сделанных ею выводов, ограничиваясь по существу лишь тезисом об этническом составе республики. Единственный параграф книги, посвященный частью патрициата в хозяйственной жизни республики (стр. 27—31), слишком краток и не носит исследовательского характера. И то, что Манкен не нашла возможным поставить ни одной сколько-нибудь значительной проблемы, касающейся экономической деятельности патрициата, не может считаться достоинством ее работы.

М. Ф.

P. WIRTH. UNTERSUCHUNGEN ZUR BYZANTINISCHEN RHETORIK DES ZWÖLFTEN JAHRHUNDERTS MIT BESONDERER BERÜCKSICHTIGUNG DER SCHRIFTEN DES ERZBISCHOFES EUSTATHIOS VON THESSALONIKE. München, 1960, S. 156

Молодой западногерманский византист, ученик Ф. Дэльгера П. Вирт опубликовал диссертацию под длинным заголовком «Исследования в области византийской риторики XII в., преимущественно по сочинениям Евстафия, архиепископа Солунского». Заголовок обманчив: в действительности предмет книги куда уже — она посвящена рассмотрению известного риторического сборника Эскуриальской библиотеки (Escog. Y II 10) с преимущественным вниманием к включенным в него семи речам Евстафия Солунского, изданным еще в 1892 г. В. Регелем (восьмая речь Евстафия, изданная по той же рукописи Э. Курцем¹, видимо, ускользнула от внимания немецкого византиста). Вирт предлагает конъектуры к изданию Регеля (стр. 35—58)², детально анализирует грамматические особенности речей Евстафия (стр. 59—143) и — что наиболее интересно для историка — устанавливает ряд новых фактов: автором изданных Регелем речей XI и XII вв. был Григорий Антиох (стр. 10—12), а речи XXI — Никифор Василяки (стр. 13—16)³; Вирт датирует VII речь Евстафия 1166 г. (стр. 24), а речь Григория Антиоха (XI) — 25 апреля 1180 г. (стр. 25 и сл.); он уточняет некоторые детали биографии Евстафия (стр. 17—21); датирует 1178 г. издание томоса Мануила I об исламе (стр. 27—29). Эти частные исследования по византийской истории и литературе XII в. дополняются несколькими небольшими

⁴ Такой же характер, кстати, носила и книга Д. Роллера об аграрных отношениях на землях Дубровника (*D. Roller. Agrarnprouzvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII do XV stoljeća. Zagreb, 1955*).

¹ Э. Курц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии на кончину Никифора Комнина. ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 290 сл.

² Помимо того, Вирт сообщает разночтения к речи Григория Антиоха по Marc. XI, 22 (стр. 22 и сл.), а также разночтения по Vatic. 1059 к изданной Ф. Кюмоном апологии Мануила I против упреков в еретическом увлечении астрологией (стр. 30—32).

³ Кроме того, Вирт считает Григория Антиоха автором двух неизданных надгробных речей в Escog. Y II 10, а Василяки — автором неизданной речи к Адриану, сыну севастократора Иоанна Комнина, и также изданной Корвети речи к патриарху Николаю Музалону («Ελληνικά», т. 7, 1934, сел. 301—322).